

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА

«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ 1924

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Философская эволюция Маркса, посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс)	5
<i>В. И. Засулич.</i> —Нечаевское дело, посмертная рукопись с прим. А. И. Успенской и Л. Г. Дейча	22
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Был ли Нечаев гениален?	73
<i>П. Б. Аксельрод.</i> —О задачах научно-социалистической литературы («письмо к товарищам»)	87
<i>О. Нельский.</i> —Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский—Чернышевский—Плеханов)	103

<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из Кариийских тетрадей: I. Жизнь Плеханова в Бэжи над Клараном; II. Переговоры с «придворными сферами»	119
<i>М. Рыжанская.</i> —Первый реферат Плеханова в Цюрихе	145
<i>М. Вископф.</i> —Члены группы «Освобождение Труда»	149
<i>Ц. С. Гуревич-Мартыновская.</i> —Знакомство с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич	160
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Эмигранты и наивный миротворец (из встреч с членами группы «Осв. Тр.»)	168
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Аарон Зунделевич (один из первых социал-демократов в России)	185

ПИСЬМА:

<i>Л. Дейч и В. Засулич.</i> —Плехановым	217
<i>В. И. Засулич.</i> —К. Марксу	220
<i>К. Маркс.</i> —В. Засулич	222
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Г. В. Плеханову	225
<i>Л. Г. Дейч.</i> —В. И. Засулич и остальным членам группы «Освоб. Труда» (из тюрем, каторги и ссылки)	227
<i>Г. В. Плеханов и Ф. Энгельс.</i> Переписка, с предисл. Л. Дейча.	306

М. ВИСКОНТИ

ЧЛЕНЫ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Дочь очень видного и богатого генерала итальянского происхождения, юная Мелитина Александровна Висконти, — ей всего было 17 лет, — оказалась одной из тех немногих русских студентов, которые не только не боялись близких сношений с нами, эмигрантами, но, наоборот, сами их искали. «Маленькая Висконти», как мы ее называли, пользовавшаяся среди нас особенной симпатией, года два спустя после приезда в Женеву в 1883 году, против воли знатных родителей, вышла замуж за эмигранта Н. Н. Лопатина, бежавшего из Верхоленска за границу. Встретившись недавно с нею в Москве, спустя много лет, я уговорил ее воспроизвести жизнь эмиграции после того, как я, будучи арестованным во Фрейбурге, был выдан русскому правительству.

Л. Д.

Воспоминания мои касаются начала и середины 80-х годов прошлого столетия, — того периода революционной деятельности, когда партия «Народной Воли», после бесчисленных арестов и казней, доживала последние дни, а «Русская Социал-демократическая партия», в лице членов группы «Освобождение Труда», основанной и вдохновляемой Г. В. Плехановым, Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич и П. Б. Аксельродом, только что появилась. Не буду говорить о политической жизни, о развитии и деятельности этой группы: сама я ни к какой партии не принадлежала,

а лишь училась в то время в Женеве. Я передам только свои личные воспоминания, расскажу о своих встречах с теми незабвенными светлыми лицами, с которыми судьба меня столкнула в ранней моей юности.

Русское общество того времени, в лице своих лучших, наиболее культурных представителей, относилось с большой симпатией и сочувствием к революционерам и многого ждало от их деятельности. Неудивительно поэтому, что впечатлительная молодежь чуть не боготворила особенно видных революционеров и считала за честь познакомиться с кем-либо из них.

Я не составляла исключения из этой категории студентов Женевского университета, но, благодаря отчасти тому, что принадлежала к аристократической семье и жила в другой среде, мне это долго не удавалось. Наконец, судьба мне поблагоприятствовала: отец мой, лечившийся за границей, уехал в Петербург; я осталась одна. Конечно, я поспешила использовать свою свободу и начала усердно посещать собрания, рефераты, лекции, устраивавшиеся эмигрантами.

Сначала я никак не могла разобраться не только в теориях, но и во взаимоотношениях новых для меня людей. Я поражалась, наблюдая, как после горячих схваток по поводу принципиальных расхождений, споров, доходивших до обмена резкостями, те же люди мирно встречались и охотно помогали друг другу не только в беде, но даже при малейших затруднениях.

Жили все крайне бедно, почти впроголодь, но никогда не отказывали друг другу, если у кого заводился лишний франк, делились последним. Многие эмигранты собирались ежедневно в столовой известной в русской колонии М-м Грессо. Это была предобрейшая француженка, вдова коммунара, которая по целым месяцам, а то и годам, терпеливо ждала, никогда не торопя задолжавших ей за обеды завсегдагав, даже навещала тех из них, которые заболели. Прислуживала за обедом ее дочь, редкая красавица и общая любимица, мадемуазель Жюли.

После обеда некоторые оставались в этом бедном кафе до ужина за чтением газет, около топившейся печки, так как дома иному не на что было купить угля.

Общим местом собраний служила также своя библиотека, где добровольцы дежурили по-очереди, но читальня эта не могла похвалиться большим порядком: периодически ее старались привести в надлежащий вид, но случалось, что нечем было даже заплатить за помещение, не говоря уже про освещение, отопление, а тем более — пополнение ее новыми сочинениями.

Кроме этой общественной, была еще в Женеве частная библиотека и вместе книжный магазин старого эмигранта Эллидина, ставшего швейцарским гражданином и хотя отошедшего совсем от эмиграции, но все же преданного делу революции, немного маньяка, видевшего чуть ли не в каждом приезде шпиона русского правительства ¹⁾.

Несмотря на тоскливую, необеспеченную жизнь, — многие буквально не знали, как они перебудутся на следующий день, — на оторванность от родины и отсутствие какой-либо связи, общения с местной средой, — молодость все же брала свое: случались дни, когда все беззаветно отдавались развлечениям и веселью; так происходило под новый год, который справляли дважды: второй раз — для общения с тогдашним новым годом в России по старому стилю.

На одной из таких именно вечеринок мне, наконец, удалось увидеть и познакомиться с самыми заметными лицами эмиграции.

Я давно мечтала о встрече с Верой Ивановной Засулич и с первого же знакомства была ею очарована: ожидая увидеть суровую, недоступную героиню, я, наоборот, нашла чрезвычайно скромную, ужасно простую, ласковую женщину с чудными добрыми глазами и приветливой улыбкой.

Излишне повторять, что уже многими и неоднократно сообщалось об изумительной застенчивости Веры Ивановны об ее нежелании обращать на себя внимание, хотя как раз в ней было что-то оригинальное, исключительно ей свойственное и в манере держаться, и одеваться (всегда в высшей степени просто), и говорить.

¹⁾ Как мне передавал Г. В. Плеханов, впоследствии Эллидин сам стал тайным полицейским агентом: он выдавал русских эмигрантов, в том числе меня и Г. В. Л. Д.

Я начала с того, что горячо, по-институтски, расцеловала ее, и это сразу установило между нами теплые, как бы родственные отношения. Она обещала познакомить меня с Плехановым, Л. Г. Дейчем (Евгением, как его тогда для конспиративности называли) и со многими другими. Таким образом я ближе чем с кем-либо из эмиграции сошлась с членами группы «Освобождение Труда» и потому в этих кратких заметках хочу восстановить некоторые эпизоды из жизни именно этого кружка.

В это время группе «Освобождение Труда» впервые удалось выпустить ряд брошюр Г. В. Плеханова и переводных Маркса и Энгельса. Это новое предприятие связано было с большими лишениями для членов кружка, так как не только свободными денежными средствами, но и необходимыми на существование они совсем не обладали и отдавали на издания буквально последние гроши, не доедая и отказывая себе во всем самом необходимом.

Однажды они составили транспорт книг и решили переправить его в Россию. Задачу эту взял на себя Л. Г. Дейч. Делалось это, конечно, вполне конспиративно; поэтому лица, непосвященные в планы новой группы, ничего об этом в тот момент не знали.

Но как-то раз, придя обедать в нашу столовую, я заметила на некоторых лицах тревогу или смущение. Особенно угнетенный вид имел завсегдатай кафе Грессо Иван Бохановский, — «казак», как его называли, — приятель Льва Григорьевича, бежавший вместе с ним из киевской тюрьмы в 1878 году и вместе же эмигрировавший после этого за границу. Однако никто из присутствовавших не сообщал, по конспиративным соображениям, какая стряслась беда, — боялись оглашать, в чем дело, а беда была большая: поехавший с первым транспортом изданий группы «Освобождение Труда» Л. Г. Дейч был арестован в Германии недалеко от швейцарской границы, в городе Фрейбурге (герцогства Баденского).

Это был ужасный удар для молодой социал-демократической группы, да и вообще для русской революции.

Едва ли нашлось в русской колонии много лиц, которые не были бы до глубины души огорчены и потрясены этим происшествием. Кроме утраты для партии, большинство жа-

дело Евгения как человека. Для друзей же его, членов группы «Освобождение Труда», его арест являлся незаменимой утратой.

Жизнь эмиграции того времени была очень тяжелая: полная отрезанность от родины, гнетущая нужда, бесцельность и беспросветность существования, так как наступившая с воцарением Александра III глубокая реакция в России душила все начинания.

И в это-то безвременье возникший новый небольшой кружок, сразу открывший огромные горизонты, — группа, из недр которой впоследствии выросла русская социал-демократическая партия, — теряет одного из своих вдохновителей и руководителей, очень ценного работника!

Предприняты были энергичные шаги, чтобы установить сношения с Фрейбургской тюрьмой, так как выяснилось, что немецкие власти, арестовавшие Евгения по случайному стечению обстоятельств, только подозревали, что им в руки попал важный политический преступник, но кто именно, они не знали.

Благодаря деятельному участию профессора Фрейбургского университета, историка русского революционного движения, А. Туна, дело начало-было уже принимать благоприятный оборот, и явилась надежда на возможность легального освобождения Евгения, как вдруг все изменилось.

Вследствие розысков русских агентов за границей и начавшихся сношений между германской и русской тайными полициями, властям удалось установить, что узник их не мирный студент Булыгин, за которого он себя выдавал, а известный революционер Дейч. Это затем подтвердил специально присланный из России товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Богданович (впоследствии убитый уфимский губернатор).

Судьба Льва Григорьевича была решена ввиду настойчивого требования самого царя. Баденское правительство выдало его России с условием, чтобы его судили не военным судом и не как политического преступника, а общегражданским, за покушение на убийство предателя Гориновича, совершенное в 1876 году.

Арест этот и вся обстановка выдачи подробно изложены самим Л. Г. Дейчем в книге его «16 лет в Сибири». Здесь

же я отмечаю лишь то настроение, которое явилось тогда у его товарищей.

Вскоре после увоза Л. Г. в Россию сделалось известным, что его заключили в Петропавловскую крепость. Случилось так, что я должна была поехать в Петербург. Узнав об этом, Вера Ивановна, давнишний близкий друг Л. Г-ча, поручила мне обратиться к присяжному поверенному Александру, знаменитому защитнику по ее процессу, блестящая речь которого открыла глаза русскому обществу и всему цивилизованному миру на творившийся в наших тюрьмах произвол. Как известно, оправданию мстительницы за поруганную честь политических не мало способствовало ораторское искусство этого защитника.

Я охотно приняла предложение Веры Ивановны и по приезде в Петербург передала Александру ее письмо. Прочитав рекомендательную записку знаменитой клиентки, доставившей ему всемирную известность, Александр выразил готовность быть защитником Л. Г-ча, но для этого требовалось, чтобы последний сам заявил о своем на это желании.

Но обстоятельства сложились крайне неблагоприятно: Л. Г. был перевезен в Одессу, чтобы быть судимым по месту совершенного преступления, и, ввиду принятых властями мер охраны, невозможно было снестись с ним, чтобы уведомить о желании его друзей предоставить защиту Александру.

Лишенный поэтому возможности по собственной инициативе отправиться в Одессу, Александр, однако, принял горячее участие в судьбе Л. Г.: он снабдил меня разными рекомендациями, которые я отвезла в Москву сестре Веры Ивановны — Александре Ивановне Успенской. Последняя решила лично отправиться в Одессу, чтобы связаться с Л. Г.; я же должна была вернуться за границу.

Но Александре Ивановне, несмотря на все ее старания, не удалось связаться с Л. Гр.: она также вернулась обратно ни с чем. Ничего не подозревавший об этих шагах Л. Г. отказался от назначенного ему военного защитника. Суд, как известно, вынес ему наказание — 13 лет и 4 месяца каторжных работ за покушение, совершенное в период его несовершеннолетия, т.-е. строже, чем Нечаева, также вы-

данного, но осужденного за убийство при совершеннолетию всего на 20 лет.

Очень тяжело отозвалось на состоянии его близких случившееся с Л. Гр. несчастье, в особенности на Вере Ивановне: она стала неузнаваемой. Надолго исчез ее заразительный смех и присущий ей добродушный юмор. Как известно, и раньше на нее находила полосами тяжелая хандра, — она тогда вся замыкалась в себе, всех избегала, видимо, предавалась самым мрачным мыслям. Но после ареста Л. Г. такое настроение овладело ею надолго, так что близкие начали опасаться, чтобы она не покончила с собой, подобно тому, как год перед тем, также под влиянием глубокой тоски, лишила себя жизни в Женеве одна из лучших и наиболее выдающихся русских революционерок — Софья Бардина.

Помню, однажды Вера Ивановна не на шутку перетревожила всех нас. На одной из окраин Женевы, за мостом пенящейся р. Арвы, несущей свой холодный и мутный поток с высот Монблана, в мало тогда населенной части города, помещалось много русских. Плехановы жили во вновь отстроенном, но неблагоустроенном доме; там же жила и я; а Вера Ивановна снимала комнату невдалеке оттуда, в небольшом доме, крохотный садик которого спускался к самому берегу шумной Арвы.

Направляясь в город за покупками, я привозила к ней в колясочке своего маленького ребенка — ее крестницу (она очень любила детей) — и всегда заставляла ее задумчиво сидящей на камне на берегу реки.

Однажды, в чудный летний вечер, большая компания русской молодежи из любителей горных прогулок отправилась к подножью горы «Большой Салев», расположенной вблизи Женевы. Были с нами также Плехановы и Вера Ивановна. По обыкновению затянули русские песни, к ужасу чопорных швейцарских буржуа, всегда косо смотревших на русскую молодежь, бегали взапуски и, вообще, отдались непосредственному веселью. Вдруг кто-то заметил, что нигде не видно Веры Ивановны: на общий наш зов она не откликнулась. Легко представить себе охватившую нас тревогу. Тотчас же, разбившись на группы, мы отправились искать ее во всех направлениях. Устремились к ней домой, но и

там ее не оказалось. Измученные, встревоженные, поздно вечером вернулись мы домой; некоторые остались дежурить на улице у ее дома. Лишь с рассветом вернулась она, пробродив, таким образом, всю ночь в горах. Узнав о вызванных ее исчезновением тревогах и предпринятых поисках, она выразила недовольство такой над собой опекой.

Не говоря уже о том, что жизнь на окраинах города была дешевле, сюда к тому же привлекали многих из нас чудные окрестности, прелесть природы, очарование которой смягчало гнетущее чувство тоски и беспросветности существования. Тогда в этих предместьях чрезвычайно культурной Женевы не было даже водопровода. Отмечаю это потому, что тяжело вспомнить, как слабый здоровьем Георгий Валентинович, покой и силы которого следовало беречь, таская на третий этаж ведра с водой, правда, по очереди с Николаем Лопатыным, жившим на той же площадке; при этом, помню, он неистово звенел железом и по неопытности расплескивал воду из тяжелых ведер.

Вот на что приходилось тратить свои слабые физические силы родоначальнику научного социализма в России, страдавшему наследственной болезнью легких! ¹⁾

Г. В. вел очень замкнутую жизнь. Кроме литературной работы для заработка, он дни и ночи посвящал усвоению и разработке разных отраслей знаний.

Однажды кто-то из товарищей застал его за учебником латинского языка. На выраженное им удивление, Плеханов ответил, что, получив среднее образование в военной школе, он не знаком с классицизмом; между тем часто замечает необходимость прибегать к первоисточникам, чтобы понять некоторые ссылки и цитаты из древних сочинений.

Одно время он также посещал некоторые специальные курсы в Женевском университете. Там ему приходилось встречаться с русской учащейся молодежью, среди которой были кавказцы, болгары и др. Эти слушатели обратились к нему с просьбой читать им лекции по политической экономии и социализму, на что Георгий Валентинович охотно

¹⁾ А теперь правдивый г-н Поссе в своих рефератах сообщает неосведомленным слушателям, будто Плеханов, находясь в эмиграции, обладал виллой и ел на серебряной утвари. Л. Д.

согласился. По несколько раз в неделю он стал регулярно приходить в условленное место, где знакомил собиравшуюся молодежь с учением Маркса, излагая и раз'ясняя «Капитал».

Слушатели с большим интересом и увлечением относились к этим лекциям и усердно их посещали. Многие из них были совершенно неподготовлены, и ему приходилось посвящать немало времени и терпения, чтобы они могли усвоить излагаемый им предмет. Помню сообщение Г. В., что именно ему служило критерием, поняли ли слушатели то или другое излагаемое им трудное место. В числе слушателей был кавказец, по фамилии, кажется, Азис-Хан: «если этот юноша смотрит упорно, не реагируя на сказанное, — это плохой признак, — говорил Г. В., — если же он улыбается и кивает головой, — значит вопрос ему ясен»¹⁾.

Весной, перед отъездом на родину, эта группа молодежи, сняв залу в известном в Женеве кафе Ландольта, пригласила своего учителя, которому устроила там прощальный вечер. Бывшие его слушатели сердечно приветствовали и горячо благодарили его, говорили, что никогда не забудут его самого и тех высоких истин, которые они узнали от него. Они также обещали идти по указанному им пути освобождения трудящихся масс. Это было в 1885 году. Таким образом уже в половине 80-х г.г. Плеханов, через учившихся в Швейцарии русских, возвращавшихся затем в родные места обширной России, закладывал основание русской марксистской партии²⁾.

Как я уже упоминала, очень демократическое крошечное кафе Грессо служило как бы клубом для русской колонии, где устраивались всевозможные собрания. По просьбе русских студентов наиболее известные эмигранты прочитали в другом, большем, ресторане ряд лекций, в которых зна-

¹⁾ Между прочим, этот же студент старался доказать Г. В., что последний одного с ним племени: «Вы Пле-хан, а я Азис-хан», — говорил он.

²⁾ Из этого, между прочим, явствует, насколько неправы те мемуаристы и исследователи развития социал-демократизма в середине 80-х г.г., которые стараются доказать, будто идеи Маркса распространились тогда в разных местах России совершенно независимо от поведения группы «Освобод. Тр.», которая, мол, не проникала из-за границы... Л. Д.

комили нас, молодежь, с русским революционным движением, с его программами и проч. Несмотря на то, что эмиграция того времени была богата знающими, выдающимися людьми, другого лектора, равного Плеханову по эрудиции и красноречию, не было. Читал он о зародившемся в Петербурге Северно-Русском Рабочем Союзе, о первых стачках на Хлопчато-бумажной мануфактуре и на других заводах; он также знакомил нас с организацией «Земля и Воля» и пр. ¹⁾

Из горячих прений, которые, естественно, возникали между представителями различных фракций, Г. В. всегда выходил победителем. В этих случаях особенно ярко выступало его изумительно блестящее ораторское дарование и необыкновенная находчивость. Особенно в полемике не было ему равного. Всякое противоречие как бы зажигало его: он сыпал противника градом таких остроумных возражений, у него в запасе всегда находилось такое меткое словечко, насмешливое сравнение и едкая ирония, он обнаруживал при этом такое глубокое, разностороннее знание данного предмета и столь сильный ум, что нередко этого не мог не признать даже противник. Поэтому победа всегда была на его стороне. Несмотря на язвительность Г. В. в спорах, многие отдавали ему должное, глубоко уважали, а некоторые и любили его.

Среди эмигрантов, проживавших тогда в Женеве, кроме членов группы «Освобождение Труда», находились еще такие выдающиеся люди, как Кропоткин, Драгоманов, Мечников и Кравчинский (Степняк); все они были значительно старше Георгия Валентиновича. Тем не менее, он во многих отношениях уже тогда превосходил каждого из них: чувствовалось, что это человек исключительных дарований, которому суждено сыграть крупную роль, создать эпоху в русском социальном движении и в русской науке.

Никакой прислуги у Плехановых, разумеется, не было, и вся черная работа исполнялась ими самими. Между тем, не говоря уже о Георгии Валентиновиче, все дни и ночи просиживавшем за своим рабочим столом и закладывавшем идейный фундамент социал-демократии в России, также

¹⁾ Впоследствии он создал из этих лекций свою замечательную брошюру — «Русский рабочий в революционном движении». Л. Д.

Розалии Марковне приходилось делить свои силы между повседневной мелкой домашней работой, воспитанием детей и занятиями в университете. Она изучала медицину, после чего сделалась прекрасным врачом сначала в Женеве, а затем, как известно, в Сан-Ремо (в Италии).

С удовольствием вспоминаю, как, желая облегчить ей ее непосильные хлопоты по дому, я ежедневно брала и ее славных двух девочек гулять, когда надолго уходила за город со своим ребенком.

Уныло, но и без больших потрясений, кроме описанного несчастья, случившегося с Л. Г. Дейчем, текла жизнь нашей колонии в Женеве за тот период, который я там оставалась (до конца 80-х г.г.).

* * *

Прошло много, много лет. Из упомянутых в этом наброске лиц, за исключением Льва Григорьевича и Розалии Марковны, остальных уже нет в живых: безжалостная смерть унесла в преждевременную могилу лучших сынов России.

После большого перерыва я встретила Л. Г. Дейча сперва во время первой революции в декабре 1905 года, в Петрограде, затем снова, после 18 лет, зимой 1923 г. в Москве. Собираясь повидаться с ним, я предполагала найти человека обессиленного, утомленного продолжительной тревожной жизнью по тюрьмам и ссылкам и бесконечным скитанием по белому свету. Но, к моему изумлению и радости, я нашла почти прежнего Евгения, только побелевшего.